

Александр Романов

Салют

Глава из романа «Любовь 2000»

Мы стояли у подъезда.
Виктора Ивановича должны были привезти час назад.
Клавдия Ильинична — его сиделка — плакала.
Остальные молчали.
Руки у меня тряслись — япил третью неделю. Дул ровный тугой ветер.
— Суки, — сказал Валёк.
— Холодно, — сказала Кэт.
Левая половина лица ее была больше, чем правая. Она разошлась с Артёмом, или с Ильясом, или как там его звали...
Кэт была моей одноклассницей и жила в соседнем дворе.
— Откуда ты знаешь Виктора Ивановича? — спросил ее Валёк.
— Он меня бил, — сказала Кэт.
— А...
— Палкой.
— А...
Она поежилась, застегнула мою куртку.
— Нас тоже, — сказал Валёк.
От Виктора Ивановича в детстве нам часто перепало. Один раз он загнал нас на чердак и долго грозил потом снизу всеми небесными карами.
Из-за угла показался синий микроавтобус местного телевидения. За ним — черная «ауди». За «ауди» — черный «джип». За ними плелся черный микроавтобус с надписью «ритуальные услуги».
— Ни хера себе, — сказал Валёк.
Машина телевизионщиков встала у мусорных баков. «Ауди» и «джип» встали напротив нас. Из «ауди» вылезли двое — губернатор и его помощник.
— Ни хера себе, — повторил Валёк.
— Суки, — сказал я.
Понятно теперь было, кого мы тут ждали.
Двери черного микроавтобуса открылись. Четверо из ларца одинаковых с лица вытянули гроб. Поставили на табуретки.

Романов Александр Владимирович родился в Волгограде в 1977 году. Закончил Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет. Архитектор. Печатался в журналах «Юный техник», «Уральский следопыт», «Машины и механизмы».

Живет в Волгограде. Предыдущая публикация в «ДН» — 2019, №9.

Виктору Ивановичу было девяносто четыре.

Он был летчиком-истребителем, Героем Советского Союза. Когда он выходил из подъезда в День Победы, двор замирал. Пиджак у него был как из музея — весь он до самого низа был красно-золотым от орденов и медалей.

У него были старенькая «Ока», квартира-однушка и сорок тысяч пенсии, двадцать из которых он отдавал сиделкам.

Он был героем, воевал с сорок первого по сорок пятый, у него было три ранения, контузия, но бесплатные сиделки ему были не положены.

Из синего микроавтобуса выбрались трое с камерами и микрофонами, устремились к «ауди».

Девушка с микрофоном, с большим ртом, сиськами как у дойной коровы и с половыми губами под туго обтягивающими лосинами что-то запищала в микрофон.

Губернатор расправился, вытянулся, торжественно оглядел двор. Камера нацелилась на него.

— Суки, — повторил Валёк.

Три месяца назад Виктор Иванович выиграл два миллиона. Увидел в газете объявление, в котором предлагалось сложить цифры даты своего рождения. Если сумма сходилась с цифрой в объявлении, вы, якобы, получали два миллиона.

У него сошлось. Он отправил взнос. Рублей двести. Или триста. И запрос.

Естественно, ему не ответили.

Тогда он ходил в газету. Потом в прокуратуру. Затем в администрацию. Написал письмо губернатору. Потом президенту.

Очевидно было, что дело закончится ничем, и Виктор Иванович это понимал, но тут он, как говорится, закусил удила.

— Они обещали, значит, обязаны сделать! — кричал, стуча палкой по лавочке, он.

Что-то с ним случилось. Всегда прагматичный, он вдруг стал вести себя так, словно в нем что-то переломилось. Его везде вежливо выслушивали, обещали вопрос решить, но дальше этого дело не шло.

Я вытащил бутылку. Отпил. Дал выпить Вальку, потом Кэт.

Народ выстроился вокруг гроба.

Все молчали.

Из-за спин высовывался оператор с камерой. Губернатор стоял перед вторым оператором. Когда ветер стихал, до нас доносился его уверенный голос.

— ...Мы всегда будем помнить... Мы всегда будем делать все, что в наших силах...

Коротко взвизгивала грудастая девушка.

В прокуратуре Виктору Ивановичу сказали, что обязательно мошенников поймут. Администрация его проигнорировала. Дальше входа не пустили.

«Четверо из ларца» подняли гроб. Мы выстроились и двинулись следом.

Шли молча.

Губернатор говорил. Один оператор с камерой убежал вперед и снимал нас из-за угла. Трещали на ветру целлофановые лепестки венков. Шуршали подошвы. Пахло мусором.

Потом Виктору Ивановичу пришло письмо от президента — так он нам сказал. Тот написал, что мошенников обязательно поймут, а приз — два миллиона — государство ему компенсирует. Они ведь ему обязаны жизнью. Если бы не такие, как он, нас бы сейчас не было.

Никто Виктору Ивановичу, конечно, не поверил. Клавдия Ильинична сказала, что он совсем из ума выжил.

Потом он сказал, что президент позвонил ему 9-го мая. Сказал, что преступники задержаны, а их счета арестованы. От них добились признательных показаний. Скоро Виктору Ивановичу все вернут. Виктор Иванович сказал, что ему всю жизнь что-либо обещали, но ни разу обещанное не выполнили. Обещали квартиру — не дали.

Обещали светлое будущее — наступил капитализм. Президент сказал, что теперь все будет по-другому. Виктор Иванович сказал, что это он тоже уже слышал.

Ему опять никто не поверил.

Клавдия Ильинична сказала, что его пора отправить в дурдом.

Мы дошли до поворота. Постояли. Сели в автобус с надписью «Город — ветеранам». Губернатор сел в «ауди». К «Джипу» присоединились еще два. Черные, с зеркальными боками, наглухо тонированные, они были похожи на немецкие танки.

Мы снова выпили.

— Теперь все будет по-другому, — в самый последний день твердил Виктор Иванович. — По-другому...

Лицо его светилось, глаза горели. Оно светилось еще долго после того, как врач констатировал смерть.

— А залп будет? — спросила меня Кэт.

Зубы ее стучали, губы были синими.

— Обязательно, — пообещал я.

Виктор Иванович сказал, что на его похоронах должен быть салют — залп из винтовок. И чтобы мы сходили за этим к военному — почетный караул, три залпа, все как положено... Военком знает, сказал он, ему нужно просто напомнить.

Автобус свернул на проезд между могил. Губернаторская кавалькада уехала вперед. Мы медленно заползли на возвышение, спустились вниз. Заползли на еще одно. Стали спускаться вниз. Равнина до самого горизонта была размечена на одинаковые квадраты. Пологий склон был весь заполнен свежими могилами. Около крайнего ряда стояли обогнавшие нас машины губернатора. Сам губернатор что-то рассказывал в камеру. Его упитанное лицо было торжественно-печальным. Губернаторская свита собралась у могилы.

— Гад, — сказал Валёк.

Мы снова выпили. Ветер здесь был сильнее, чем в городе, и дул почти непрерывно.

Он дул, губернатор говорил. Пишала в микрофон девица с дойными сиськами — ее писк не мог заглушить даже ветер. Гроб стоял на двух коротких скамейках. Провожающие молчали. Ведущий смотрел на губернатора.

Всем было похрену.

Я стоял и думал о том, что всем похрену.

Они ждут, когда все закончится. Ждут, чтобы пойти в столовую. Дует ветер, готовится ведущий, губернатор поднимает себе рейтинг, а они просто стоят и ждут.

— Так будет залп или нет? — снова спросила меня Кэт.

Вот пристала!

— Обязательно, — сказал я.

Она покрутила головой.

Машины администрации, наш автобус... Никаких других машин — например, машин с почетным караулом, — не было.

— ...Благодаря им мы живы! Благодаря им мир спасен! Мы будем делать все, что в наших силах, чтобы никто из них не нуждался!.. — долетал до нас голос губернатора.

Мы снова выпили. Камеры и губернатор переместились к нам. Ведущий ожил. Заговорил.

Мы по очереди прошли мимо гроба. Губернатор шел последним. Камера неотрывно следила за ним. Все было торжественным и мертвым. Лица у всех были напряжены — их снимали.

Всем было похрену на Виктора Ивановича, все думали о том, как будут выглядеть потом на экране.

— Цирк какой-то, — сказала Кэт. Ветер растрепал ее волосы, набил в них песка и пыли, они сваялись и стали похожи на проволоку.

Губернатор сказал короткую речь.

Мы бросили по горсти земли.

Губернатор снова сказал короткую речь — в конце сообщил, что сейчас все поедут на торжественный обед — за счет администрации.

Народ потянулся к автобусу.

— Пошли, — сказал я, направляясь в противоположную сторону.

Ни на какой торжественный обед, тем более за счет администрации, разъезжающей на «немецких танках», я идти не собирался.

Валёк и Кэт зашагали за мной. Дорога здесь была одна, она делала петлю и возвращалась к главному входу.

— А залп? — снова спросила Кэт.

Заело ее на этом залпе!

— Конечно, — сказал я.

Встал. Вытащил армейский имитационный взрывпакет — он имитировал взрыв двухсоткилограммовой бомбы и был размером с большую батарейку.

— О! — уважительно сказал Валёк.

— Ой, — сказала Кэт. — Капец.

— Может, не надо? — спросил Валёк.

— Надо.

Я положил взрывпакет в колею.

— Я обещал.

Я обещал Виктору Ивановичу сходить к военкому — и я ходил. Что тот мне сказал, я вспоминать не хотел, да это было сейчас и неважно. Обойдемся без него и без его караула.

Виктор Иванович был героем, он был как мой дед, и на его похоронах должен быть салют — независимо от того, кто и что мне сказал.

И он будет, даже если для этого мне придется взорвать к чертовой матери все это кладбище. Даже если мне придется взорвать все кладбища мира. Вместе с «немецкими танками» губернатора и самим губернатором.

— Ты знаешь, что делаешь? — спросил Валёк.

Он в армии не был, поэтому он сомневался.

— А то! — сказал я, чиркая спичками.

У взрывпакета был короткий толстый фитиль и картонные бока. Он был приятно теплым и шершавым.

— Ой, — сказала Кэт.

— Бум, — сказал я.

Фитиль загорелся, пламя медленно поползло к картонному боку.

— Пойдем, — сказал я и быстро зашагал прочь.

Валёк зашагал следом. Кэт побежала — быстро обогнала нас.

Бабахнуло, когда мы подошли к повороту. Заложило уши, нос. Земля вздрогнула так, словно пыталась нас с себя стряхнуть. Небо потемнело.

Кэт взвизгнула.

— Ни хера себе! — заорал Валёк — я прочитал это по его резко побелевшим губам.

Грохнуло так, словно и правда упала бомба.

Сзади нас произошло движение, два последних «Джипа» развернулись в нашу сторону. На крышах появились мигалки.

— Бля, — сказал Валёк.

— О! — сказала Кэт.

— Это салют, — сообщил я машинам. — Ясно вам?

Сплюнул.

— Уроды.

Мы переглянулись и двинулись прямо через могилы.

Машины доехали до поворота. Одна, набирая скорость, поехала дальше, видимо,

чтобы отрезать нам выход. Вторая встала, из нее вылезли трое в черной форме и побежали к нам.

— Это всего лишь салют! — заорал я, и мы втроем, не сговариваясь, рванули бегом.

Мы бежали мимо оград высоких и низких, мимо каменных склепов, каждый размером с гараж, мимо деревянных полусгнивших крестов. Мимо заросших бурьяном прямоугольников. Мимо сверкающих позолотой, выложенных мрамором гробниц.

Преследователи что-то кричали. Кажется, даже в мегафон. Где-то сбоку натужно ревел «Джип». Свистел ветер. Что-то коротко выкрикивала Кэт. Шумно пыхтел Валёк — он бежал напролом, перепрыгивая ограды и постаменты.

Я орал:

— Это салют! Это, мать вашу, залп! Это всего лишь салют! Какого хера вам от нас надо?

Мне было легко. Я, кажется, даже смеялся. Я чувствовал себя так, словно мне снова десять и мы убегаем от разбуженных нами сторожей на стройке.

Нас все равно не поймают. Нас не смогут поймать. Они старые и пьяные. А мы молодые и отчаянно смелые.

Потом Валёк упал. Тут же вскочил — лицо его было красным, рукав разорван.

— И-и! — заверещала Кэт.

Пригнулась, обхватила руками голову.

Мне обожгло щеку.

Сзади что-то часто хлопало.

Я обернулся.

Пассажиры «Джипа» стреляли! Бля, они стреляли прямо по нам! Они решили, что мы террористы, и палили теперь по нам сразу из трех стволов, прямо на ходу.

— Вы совсем ох...ли?! — заорал Валёк.

Кэт упала на четвереньки, поползла в кусты.

— Сука, уроды, тупые у...ки, — оборачиваясь на бегу, продолжал надрываться Валёк.

— Это же просто салют! — орал я.

Это был просто салют, но эти тупые у...ки наверное решили, что это был террористический акт и что мы хотели подорвать их драгоценного шефа.

Справа через кусты замелькали блестящие борта «Джипа». До него было метров пятьдесят, до преследователей метров триста.

Кэт исчезла где-то в кустах.

Мы с Вальком продолжали бежать. Бежать и орать.

По нам стреляли, от нас требовали, чтобы мы остановились, нас принимали за террористов, мы же орал как ненормальные.

Валёк от злобного счастья, я от счастливой злости.

Мы не собирались останавливаться. Никакая сила на свете не могла бы сейчас нас остановить. Мы были пьяные и счастливые. Сейчас мы бы не остановились, даже если бы позади была целая армия. Даже если бы дорогу нам преградила еще одна армия.

Хера с два мы бы остановились.

Мы летели. Мы были как два самолета. Два истребителя на бреющем полете. Две «сушки», на хвостах которых висели проклятые «мессеры», а сбоку пытался подрезать разогнавшийся танк. Небо вокруг прорезали трассеры пулеметов; долбили зенитки.

Мы завывали. Мы тархтели. Мы расставляли руки как крылья, и, глядя друг на друга, заходились от смеха. Мы бежали, потому что нам хотелось бежать, а не потому что нас преследовали упыри из губернаторской охраны — на них нам было похер.

Нас несло.

Через меня словно рвался наружу чистый поток, бил, как нефть из аварийной скважины, как вода из брандспойта пожарника. Он распирал меня изнутри, и если я не хотел, чтобы меня разорвало, я должен был дать ему выход.

Нам что-то кричали. Мимо проносились удивленные лица. Где-то выли сирены.

Свистел ветер. Над нами отчаянно синело небо. Под ногами послушно проворачивалась барабаном земля. Хлестали по лицу ветки.

— Я не сдамся! — орал я. — Хера с два вам, ясно? Это был просто залп! Всего лишь салют! А вы просто тупые у...ки!

Мы были грязными, одежда была порвана, волосы стояли дыбом, Кэт была неизвестно где, с ней было неизвестно что, нас искали по всему кладбищу, наверняка уже вызвали подмогу, наверняка уже все оцепили, нас считали террористами, а мы изображали самолеты и ржали как ненормальные.

— Ушли? — прохрипел Валёк, когда мы засели за каменным склепом.

Мы, кажется, здесь уже были. Пробежали какое-то время назад. Может быть, даже дважды.

— Хер знает, — отплеываясь, выглядывая между кустов, сказал я.

«Джипа» поблизости не было. Движения между могил как будто не наблюдалось. Слева метрах в ста виднелась ограда. Дальше, метрах в трехстах, темнела калитка. Она была заперта. За оградой стояла машина.

— Хер знает.

— Кэт? — прохрипел Валёк.

— Кэт, — сказал я.

Мы посмотрели друг на друга. Заржали.

— Салют! — просипел Валёк.

Мы снова заржали. Допили бутылку. Двинулись к ограде.

Встали. Огляделись. Одинокая машина была пуста. Выше шумела дорога — самой дороги за кустами видно не было.

Мы перелезли. Нырнули в кусты.

Перешли дорогу — справа далеко сверкали мигалками машины.

Пересекли лесополосу. Здесь был сквер, сразу за которым стояли трехэтажные дома.

На дальней лавочке сидела Кэт. Несимметричное лицо ее было расцарапанным, она тяжело дышала.

Пока мы нарезали по кладбищу круги, она просто вышла сюда по прямой.

— Вы придурки, — сказала она. — Совсем больные.

— Ага! — сказал я.

Я был тоже рад ее видеть.

— Залп, тоже мне! Салют! Идиоты!

Она размазала по щеке грязь.

— Уроды! Меня из-за вас чуть не убили!

Я знал, что ей тоже хорошо. Она еще об этом не знает, но скоро поймет.

Я достал из кармана два оставшихся взрывпакета.

Кэт побледнела.

— Ты debil, Арчаков? — голос ее сел.

— Три залпа, — сказал я. — Их всегда три. Ты не знала?

— О, — сказал Валёк.

Издав похожий на смешок звук.

Я покачал пакетами в руке.

Виктору Ивановичу нужен был салют.

Мне нужен был салют.

Нам всем нужен был салют.

— Три, — сказал я.

Растопырил пальцы.

— Я обещал три.

— Ы-ы... — тонко завывла Кэт.

Я запалил фитиль.